

Специфика терминологической единицы военного подъязыка и особенности ее перевода

Е.Г. Князева

Военный университет им. князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации, г. Москва

Статья посвящена исследованию специфики военного термина и описанию особенностей его перевода. Актуальность изучения этих вопросов связана с необходимостью дальнейшей разработки теории термина как единицы военного подъязыка. Материалом для работы послужили текстовые источники информационных интернет-порталов, а также военно-технические, военно-публицистические, военно-дипломатические и военно-юридические аутентичные тексты, где термины применялись в их контекстуальной обусловленности.

Ключевые слова: язык, терминологическая единица, теория перевода, лингвистика, военная терминология, коммуникация.

Изучение терминологических единиц военного подъязыка носит интегративный характер, соединяя в себе результаты изысканий в области лингвистической и военной сферы. Приступая к описанию вопросов, имеющих отношение к современным представлениям о терминах как особых элементах лексической системы языка, прежде всего, вслед за Т.Г. Поповой и О.В. Мингалевой, подчеркнем роль языка как средства коммуникации, поскольку «язык по сферам своего использования обладает столь же большой динамичностью, сколь динамична и разнообразна сама жизнь» [13: 67]. Динамика жизни оказывает воздействие на динамику языка – и наоборот.

В.М. Лейчик отмечает, что «термин – это динамическое явление, которое рождается, формулируется, углубляется в процессе познания (когниции), переходя от концепта – мыслительной категории – к вербализованному концепту, связанному с той или иной теорией, концепцией, осмысляющей ту или иную область знания и (или) деятельности» [9: 21]. Появление на свет новых терминологических единиц, изменение их значения обосновывается различными языковыми процессами, как, например, дальнейшим расширением семантики термина, так и с утратой терминологической единицей того или иного понятия специальной подсистемы. Подобная динамика терминологической системы связана с развитием социально-исторических процессов в различных областях человеческого знания, то есть, с динамикой контекста терминообразования.

Подтверждение нашим мыслям мы находим в работе Л.Ю. Буяновой, где красной линией проходит мысль о том, что «...существует специфическая дистрибуция (дифференциация) структурно-семантических и функциональных параметров, деривационных механизмов генерирования (порождения, продуцирования) метаязыковых образований, систем терминов, детерминируемая когнитивно-гносеологической и логико-понятийной дивергенцией, концептуальной обособленностью и своеобразием каждого из стратифицированных ярусов научного стиля изложения, делимитацией (отграничением) сферы функционирования терминов и сферы их фиксации» [2: 9].

Что касается терминологической дефиниции, то она представляет собой интерпретацию «концептуального содержания термина, закрепление результатов обзора определяемого понятия и выявление места этого понятия среди других конкретных предметных областей» [15: 80], тогда как системность терминологической единицы «связана с ее знаковым отражением» части системы понятий соответствующей науки. «Исходя из классификации понятий, выявляются признаки этого понятия, затем подбираются слова и их части для создания термина» [10: 97]. Важным показателем характеристики терминологической единицы служит «всеобщность терминов, которая служит их главным отличительным свойством по сравнению с другими номинативными классами, используемыми в специальном языке» [5: 65].

В нашей статье речь идет о специальной лексике – военной терминологической единице как особом элементе лексического состава языка. Под военным термином мы понимаем единицу языка для специальных целей, которая может обладать как сложной, так и простой формальной структурой. В качестве примера мы можем привести словосочетание ‘*smart gun*’ и продемонстрировать его перевод с английского языка на русский язык в дефиниции: ‘*smart gun – which can only be used by the designated user; identification is automatic and is carried out by radio-frequency signals or other technologies*’ – «умное оружие – оружие, которое может применяться только определенным пользователем; идентификация пользователя осуществляется автоматически по радиочастотным сигналам или с помощью других технологий».

На приведенном нами примере мы можем наблюдать, что дефиниция соответствует определенным требованиям, а именно тому, что «дефиниция должна быть точной, не содержащей двусмысленностей и четко ограничивающей определяемое понятие от однотипных и сходных понятий. В данном случае дефиниция должна содержать только существенные признаки понятия, что характерно для

родовидовых дефиниций: указание на ближайший род и видовое отличие» [19: 60–67]. С точки зрения С.В. Гринева-Гриневича, «дефиниция не должна быть противоречивой, так как логическое противоречие разрушает мысль. Но требование логической непротиворечивости почти не встречается в терминологической литературе» [6: 70]. Здесь же приведем также мысль Б.Н. Головина, который считает, что «дефиниция – это логическое определение понятия, установление содержания понятия, его отличительных признаков» [4: 62].

Таким образом, при переводе переводчику следует учитывать все эти особенности терминологической единицы военного подязыка. Вместе с тем, развитие той или иной сферы науки оказывает воздействие на трансформации контекста, в котором бытует термин. И это оказывает воздействие на динамику его семантики.

Отечественная переводоведение долгое время базировалось на данных лингвистической теории перевода (ЛТП), которая детально разрабатывалась в научных работах таких переводоведов, как В.Н. Комиссаров [7], А.В. Федоров [17], Л.Л. Нелюбин [12], Л.С. Бархударов [1], Я.И. Рецкер [16] и многих других ученых-переводоведов, изучающих широкий ряд вопросов теории перевода. Вместе с тем, дальнейшие разработки в области переводоведческой науки наглядно показали, что только лингвистическая теория перевода при всех своих достижениях не может адекватно обосновать процесс перевода в связи с тем обстоятельством, что перевод представляет собой многоаспектный и комплексный объект, что, соответственно, нуждается в широком круге разнообразных приемов и методов научного исследования. Сошлемся на точку зрения В.А. Миловидова, который подчеркивает, что «самые интересные работы в науке, как известно, появляются “на стыке” дисциплин» [11: 224].

Таким образом, все вышесказанное нами объясняет обоснованность признания теорией перевода феномена трансдисциплинарности, что повлияло на сближение переводоведения с целым рядом таких областей научного знания, как, например, когнитивная наука, лингвокультурология, психология, социология, философия, история, медиа-коммуникация, межкультурная коммуникация, история, когнитивная наука и т.д. [3: 13–19; 11: 244; 14: 87–91].

В процессе изучения перевода необходимо принимать во внимание и необходимость интеграции разных наук, и динамику языка, и динамику контекста как общечеловеческого опыта, о чем пишут исследователи. Как отмечают Т.Г. Попова и О.В. Мингалева, «... работа переводчика осложняется также и тем обстоятельством, что язык подвержен постоянным изменениям. Мир вокруг нас постоянно меняется, соответственно, изменениям подвергается и язык. Именно в

языке закрепляется общественно-исторический опыт, как общечеловеческий, так и национальный» [14: 87].

Несмотря на то, что в большинстве работ бытует представление термине как о лексической единице (знаке), характеризующемся однозначным соотношением плана выражения и плана содержания, т.е., о преимущественно имманентных факторах, формирующих семантику термина, в современной лингвистике все более утверждается мысль о ее контекстуальной обусловленности.

Например, В.Е. Чернявская приходит, с нашей точки зрения, к закономерному заключению о том, что «лексические единицы приобретают персуазивное значение только в определенном текстуальном контексте, поскольку в том случае, когда лексические единицы рассматриваются вне контекста, то они обладают лишь персуазивным потенциалом, который может реализоваться в зависимости от коммуникативных намерений адресанта» [18: 33].

Это же относится и к бытованию (и переводу) военных терминов. К примеру, переводчик сталкивается с таким явлением, как контекстуально обусловленный переход общеупотребительных слов в состав термина военного подъязыка. В качестве примера можем назвать такие военные терминологические единицы, как: *'to detail (for duty)'*, которое переводится, как «назначать (в наряд)»; *'to develop (a position)'* - «разведывать (оборону)»; *'to mount (an attack)'* - «переходить в наступление».

Поэтому и при переводе военной терминологической единицы следует обращать внимание на контекстуальное окружение термина. Продемонстрируем это на основе терминологических сочетаний военного подъязыка, в чей состав входит прилагательное *'temporary'* - «временный»: *'temporary casualties'*. Прилагательное *'temporary'* в сочетании с именем существительным *'casualties'* на русский язык переводим как «санитарные потери». Толкование для словосочетания *'temporary casualties'* звучит следующим образом: *'temporary or reversible losses of personnel as a result of battle injuries and illnesses such as casualties are able to return to active duty on recovery'*, что на русский язык мы переводим: «временные (возвратные) потери личного состава вследствие боевых поражений и болезней: после выздоровления военнослужащие могут быть возвращены в строй».

Приведем еще примеры военных терминологических единиц, в чей состав входит контекстуально обусловленное прилагательное *'temporary'*: *'temporary civilian personnel'*. Этот термин военного подъязыка мы будем переводить как «временный гражданский персонал» и *'temporary incapacitation'*, который на русский язык будет переводиться следующим образом: «временный вывод из строя».

Таким образом, мы приходим к заключению, что при переводе терминологических единиц военного подъязыка следует помнить о том,

что специальная военная терминология представляет собой непосредственную рефлексию накопленного специфического знания в военной области. Говоря иными словами, речь здесь идет о кодификации опыта взаимодействия человека с военной областью, формирующей контекст терминообразования.

Список литературы

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода. М.: «Международные отношения», 1975. 240 с.
2. Буянова Л.Ю. Термин как единица логоса. М., 2012. 210 с.
3. Гарбовский Н.К. Системологическая модель науки о переводе. Трансдисциплинарность и система научных знаний // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. М., 2015. №1. С. 3–20.
4. Головин Б.Н. Лингвистические основы учения о терминах: учебное пособие. М: Высш. шк., 1987. 304 с.
5. Городецкий Б.Ю. К типологии коммуникативных неудач. М.: Флинта: Наука, 2007. 340 с.
6. Гринев-Гриневиц С.В. Терминоведение. Учеб. пособие: Высш. проф. образование. М.: Академия, 2008. 304 с.
7. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. М.: «ЭТС», 2002. 424 с.
8. Кучинская Е.А. Коммуникативные стратегии военно-публицистического текста // Вестник Тамбовского университета. Сер. «Гуманитарные науки». Тамбов, 2008. № 9(65). С. 133–138.
9. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. Изд. 3-е. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 256 с.
10. Лотте Д.С. Основы построения научно-технической и другой терминологии. Вопросы теории и методики. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 160 с.
11. Миловидов В.А. Литературно-художественный перевод как инструмент теории и истории литературы // Новый филологический Вестник, 2018. С. 243–251
12. Нелюбин, Л.Л., Хухуни, Г.Т. Наука о переводе (история и теория с древнейших времен до наших дней). М.: «Флинта», 2018. 416 с.
13. Попова Т.Г., Мингалева О.В. Перевод как вербальная проекция этноментального опыта: Язык, литература и культура как грани межкультурного общения. Сборник научных трудов. Пльзень (Чешская республика) – Москва, 2016 (а). С. 62–68.
14. Попова Т.Г., Мингалева О.В. Роль полисемантической основы в процессе перевода // Верхневолжский филологический Вестник, 2016 (б), № 4. С. 87–91.
15. Прохорова В.Н. Русская терминология (лексико-семантическое образование) .М.: Изд-во МГУ, 1996. С. 80–25.
16. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода. 3-е изд., стер. М.: «Р.Валент», 2007. 244 с.
17. Федоров А.В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. 416 с.

18. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия. М.: «ФЛИНТА», 2006. 136 с.
19. Шелов С.Д. Термин. Терминологичность. Терминологические определения СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного университета, 2003. 277 с.

Об авторе:

КНЯЗЕВА Елена Георгиевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных языков, Военный университет им. князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации (123001, г. Москва, ул. Большая Садовая, 14), e-mail: university_910.mail.ru

Military terms and their translation

E.G. Knyazeva

Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow

The article is devoted to the study of the specifics of the military term and the description of the features of its translation. The relevance of studying these issues is related to the need for further development of the term as a unit of a special stratum of the military sublanguage. The material for the work was textual sources of information Internet portals, as well as military-technical, military-journalistic, military-diplomatic, as well as military-legal authentic texts used in their contextual conditionality.

Keywords: *language, terminological unit, theory of translation, linguistics, military terminology, communication.*

About the author:

KNYAZEVA Elena Georgievna – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Foreign Languages at the Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation (123001, Moscow, Bolshaya Sadovaya Str., 14), e-mail: university_910.mail.ru

Статья поступила в редакцию 04.03.25

Подписана в печать 25.03.25